

Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена
Петербургский институт иудаики

ТЕКСТОЛОГИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ В XX ВЕКЕ

Материалы международной научной конференции

Санкт-Петербург
2006

Алексей Евстратов (Москва)

«... ЛУЧШЕ ЖИТЬ С КНИГАМИ, ЧЕМ С БОЛЬШЕЙ ЧАСТЬЮ ЛЮДЕЙ»: ГРАФ Д. П. БУТУРЛИН И ЕГО КАРЬЕРА

Граф Д. П. Бутурлин (1763—1829), герой настоящей статьи, прославился своей библиофильской увлеченностью, которая позволила ему собрать две библиотеки, одинаково достойные внимания историков. Исследователи сосредоточились на описании этих собраний и их каталогов¹, а меж тем наши знания о персоне коллекционера, по сути, не так далеко продвинулись со времени «Очерка жизни графа Д. П. Бутурлина», опубликованного его сыном Михаилом в «Русском архиве» в 1867 г. В частности, почти не разработан один из основных источников — письма Бутурлина своим дядьям, графам Александру и Семену Воронцовым, опубликованные в 1886 г. П. И. Бартевым в «Архиве князя Воронцова». Меж тем, случай Бутурлина позволяет реконструировать не совсем обычную для рубежа XVIII — XIX вв. стратегию поведения аристократа, который блестящим карьерным перспективам предпочел уединение и кабинетные занятия.

Этим обстоятельством объясняется то, что статья, которая задумывалась как case study по социологии книжного собирательства, походит больше на биографический очерк. Нам казалось важным воссоздать, где это было возможно, карьерный контекст биографии графа, который, как мы надеемся показать ниже, имел существенное значение в формировании его позиции по отношению к придворной и государственной службе, а равно и внеслужебным занятиям (в число которых входят и библиофильские досуги графа). Последние, в свою очередь, вписываются в более широкий социокультурный контекст, реконструкция которого была одной из наших задач.²

***

В 1788 г. в службе графа Д. П. Бутурлина наступил почти десятилетний перерыв³. Официальные документы фиксируют отставку «по собственной про-

¹ О библиотеках Бутурлина и их каталогах см.: Геннади Г. Русские библиофилы. Библиотеки графа Д. П. Бутурлина и их каталоги // Журнал Министерства народного просвещения. 1856. № 4. С. 1—10; Иваск У. Г. Описание русских книжных знаков (Ex-Libris). [Вып. 1.] М., 1905. С. 78; Кунин В. В. Две библиотеки Д. П. Бутурлина // Альманах библиофила. Вып. 2. М., 1975. С. 106—136 (см. перепечатку этой статьи с некоторыми изменениями в сб.: Кунин В. В. Библиофилы и библиоманы. М., 1984. С. 325—362).

² Благодарю уважаемых коллег К. Г. Воленко, М. Б. Великева и Е. Э. Лямину, которые высказывали свои всегда ценные замечания на разных стадиях подготовки этой статьи.

³ По выходе из Сухопутного шляхетного кадетского корпуса в 1782 г. Бутурлин служил при генерале гр. И. П. Салтыкове, затем адъютантом фельдмаршала гр. Г. А. Потемкина. Перейдя в 1786 г. в статскую службу, он служил под начальством своего дяди сенатора гр. А. Р. Воронцова. См. формулярный список Бутурлина в публикации Т. А. Лаптевой: Материалы к биографии графа Д. П. Бутурлина // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII — XX вв. Новая серия. [Вып. 12]. М., 2003. С. 526—527.

сьбе»¹, однако высказывалось мнение, что причина карьерной паузы заключалась в оппозиционности Бутурлина по отношению к правлению Екатерины II. Почву для этого предположения дал сам Бутурлин, однако его сложно подтвердить или опровергнуть. Граф рассказывал, что в молодости увлекся либеральными теориями и просил императрицу отпустить его в Париж, ему отказали, и он, рассердившись, оставил службу и уехал жить в Москву².

По другой версии, граф был удален из столицы из-за придворного скандала. В записках Л. Н. Энгельгардта сообщается, что Бутурлин, будучи флигель-адъютантом кн. Потемкина, приложил руку к сатире «на многих знатных людей» (в сочинении которой принимали участие фрейлина Эльмгт и сестра Бутурлина Е. П. Бутурлина (Дивова)) и был «отставлен с запрещением въезжать в местопребывание государыни»³. Отягчающим обстоятельством, по мнению В. И. Новикова, была принадлежность графа к масонам⁴. По словам Михаила Бутурлина, в семье не подтвердили подлинности этой истории⁵.

Т. А. Лаптева, говоря о предполагаемой оппозиционности Бутурлина, основывается на том факте, что 19 марта 1797 г., т. е. только при Павле I, после десятилетней карьерной паузы, Бутурлин получил новое назначение: был пожалован в статские советники и определен в архив Коллегии иностранных дел⁶. Бутурлин, действительно, оказался среди дворян, привлеченных новым монархом: 30 марта Павел I стал восприемником сына Бутурлина Павла⁷. Однако уже в начале 1800 г. Бутурлин был отправлен в отставку, причем, как говорили, по непосредственной воле императора⁸.

На фоне дефицита документов о развитии карьеры Бутурлина особый интерес представляют его письма, к которым нам представляется уместным обратиться не только в поисках фактической информации, но и, главным образом, для того, чтобы увидеть, как Бутурлин интериоризировал свои отношения со службой, как формулировал свои карьерные чаяния и переживал неудачи.

Вернемся к отставке Бутурлина из архива Коллегии иностранных дел. Бутурлин пишет, сообщая о ней С. Р. Воронцову 26 марта 1800 г.:

---

¹ Там же. С. 526.

² Записки графа Михаила Дмитриевича Бутурлина. Ч. 1//Русский архив. 1897. Кн. 1. № 2. С. 219 (далее — РА).

³ Энгельгардт Л. Н. Записки. М., 1997. С. 51–52.

⁴ Новиков В. И. Усадьба Д. П. Бутурлина в Москве//Русская усадьба. Сборник Общества изучения русской усадьбы. Вып. 6 (22). М., 2000. С. 129. О том, что отец был масоном, сообщает в воспоминаниях М. Д. Бутурлин (Записки графа Михаила Дмитриевича Бутурлина... С. 221).

⁵ Там же. С. 218–219. В. И. Новиков указывает «Секретные записки» Ш. Массона в качестве источника этого анекдота (Новиков. Усадьба Д. П. Бутурлина в Москве... С. 127–128). Заметим, что у Массона в рассказе об этом скандале сведений об участии Д. П. Бутурлина нет (См.: Массон Ш. Секретные записки о России. М., 1996. С. 153).

⁶ Материалы к биографии графа Д. П. Бутурлина... С. 526.

⁷ Камер-фурьерский церемониальный журнал. Январь–март 1797 года. СПб., 1896. С. 557. Восприемницей была Прасковья Федоровна Воронцова, теща Бутурлина. Сын Бутурлина Павел умер во младенчестве.

⁸ Письмо Д. П. Татищева А. Р. Воронцову от 7 января 1800 г. (Архив князя Воронцова. Кн. 18. М., 1880. С. 341. Далее — АВ). В качестве источника слуха Татищев указывает Ф. В. Ростовчина.

Je ne suis nullement ambitieux, et c'est réellement par un acquit de conscience que j'ai cru devoir il y a trois ans renouveler mes offres de service, dans la seule partie où je croyais pouvoir être de quelque utilité. J'ai fait ma besogne pendant trois ans sans appointements, et au moment où par ancienneté je devais être avancé, je me suis vu à l'index¹ [Я совершенно лишен амбиций, и в действительности лишь для очистки совести решил три года назад снова предложить свои услуги в том единственном деле, где я надеялся уметь быть хоть сколько-нибудь полезным. Три года я работал, не получая жалования, и в тот момент, когда я по выслуге лет должен был быть повышен в чине, я увидел себя в списке <отставленных>].

Бутурлин с горечью говорит о своей отставке, подчеркивая, что его попытку пойти на компромисс не только не оценили по достоинству, но и ответили на нее явной несправедливостью. От возмущения отношением к себе со стороны власть придержащих Бутурлин переход к любовному описанию своего домашнего быта:

Pour ma part, je bénis Dieu de mon heureuse obscurité, et comme Jean Lapin dans mon gîte, je vis beaucoup plus avec les livres et les plantes qu'avec les hommes. Non que je les fuie; je n'en suis pas là, mais des 24 heures de la journée plus de la moitié est certainement dévolue aux livres et au jardinage² [Я, со своей стороны, благодарю Бога за свою счастливую безвестность и, подобно Жану Кролику³, живу в своей норе более с книгами и растениями, чем с людьми. Не то чтобы я их избегал, до этого я еще не дошел, однако из 24 часов каждого дня более половины несомненно приходится на книги и на садоводство].

Самым ранним свидетельством такого взгляда на служебную и светскую общежительность⁴ является письмо Бутурлина А. Р. Воронцову от 25 апреля 1792 г. Бутурлин сокрушается по поводу холодности дяди (неизвестно, чем вызванной), просит переменить отношение к себе, обещая не беспокоить его просьбами о покровительстве и протекциях. Четыре протекшие с первой отставки года позволили ему выработать позицию, которая будет определять его взгляд на карьеру:

¹ АВ. Кн. 32. М., 1886. С. 269.

² Там же. С. 270. В письме С. Р. Воронцову от 12 декабря 1800 г. Бутурлин замечает, что в таком его распорядке дня есть общее с образом жизни дяди: «J'ai des serres, quelques plantes curieuses et beaucoup de livres. Avec tout cela je file mes journées paisiblement et rends grâce a Dieu le soir des vingt quatre heures йcouliées. Voilà au juste le régime de votre neveu. Vous voyez qu'il a quelques traits de ressemblance avec le vфtre [У меня есть оранжереи, несколько редких растений и много книг. С этим всем дни мои тянутся безмятежно, и я благодарю Бога вечером пошедших суток. Вот в точности режим вашего племянника. Вы видите, что у него <этого режима> есть черты сходства с вашим.]» (Там же. С. 287).

³ Jean Lapin — персонаж басни Ж. де Лафонтена «Кот, ласка и маленький кролик (Le chat, la belette et le petit lapin)», имя нарицательное для кролика вообще.

⁴ Попытка передать непrouстой для перевода, но широко используемый в современной историографии термин «sociabilité» (см.: Agulhon M. Le Cercle dans la France bourgeoise (1810—1848). Etude d'une mutation de sociabilité. P., 1977).

Seul dans l'univers, sans ambition, avec une fortune honnête, je saurai remplir ma carrière dans une tranquille obscurité. Retiré absolument du monde, je ne suis sur le chemin de personne. <...> Quatre années de retraite et de réflexions ont... bien mûri ma tête, et je vois combien il faut peu de chose avec la tranquillité de l'âme pour être heureux¹ [Один во всей вселенной, без амбиций, с достаточным состоянием, я смогу пройти свой жизненный путь в тихом забвении. Совершенно удалившись от света, я не стою ни на чьем пути. <...> Четыре года уединения и размышлений сделали зрелым мой рассудок и я вижу, как мало нужно, чтобы быть счастливым, обладая душевным спокойствием].

Уже два этих отрывка из корреспонденции Бутурлина позволяют выделить ключевые в его описаниях своего служебного положения и отношения к свету риторические конструкции, которые встречаются в его письмах разных лет. Оппозиция между суетой придворной жизни и мудрым спокойствием замкнутого существования вдалеке от света хорошо знакома в России к концу XVIII в. По мысли социолога Н. Элиаса, эта оппозиция отражает определенную стадию становления придворного общества, а тема «похвалы сельской жизни» воплощает коллективную ностальгию дворян, столкнувшихся с жесткими структурами двора, по утерянному образу жизни². Для нас важнее то, что Элиас представляет эту оппозицию как структурообразующую внутри придворной культуры. Иначе говоря, актуализация традиции «похвалы сельской жизни» в некотором высказывании характерна именно для придворных, зачастую самого высокого ранга, что существенно ослабляет ее полемическое звучание³. Придворная культура заимствует риторическую структуру и деформирует ее функцию.

По-видимому, оппозиция должна рассматриваться в более широком контексте также восходящего к античности противопоставления деятельного и созерцательного образа жизни (*vita activa/vita contemplativa*). Как показывает Б. Беньо, столкновение этих понятий в XVII в. оказало существенное влияние на моральную философию столетия: «Античное сопоставление действия и созерцания проходит через весь XVII век..., стоит за большинством размышлений об отношениях индивида и общества, души и мира, как внутри практической морали, так и в рамках теоретической философии»⁴. Учебники практической морали, призванные прививать арис-

¹ АВ. Кн. 32. С. 221–222.

² Элиас Н. Придворное общество. М., 2002. Гл. VIII: «К социальному происхождению аристократической романтики в процессе перемещения знати ко двору».

³ С этой особенностью придворной культуры связана популярность традиции «похвалы сельской жизни» (или «*beatus ille*» — по началу II эпода Горация) в придворной поэзии. О топике «*beatus ille*» см. комментарий Ю. К. Щеглова к сатире шестой А. Кантемира: Щеглов Ю. К. Антиох Кантемир и стихотворная сатира. СПб., 2004. С. 313–338. См. также: Mauzi R. *L'idée du bonheur dans la littérature et la pensée françaises au XVIII siècle*. Paris, 1960. P. 374–385; Мазур Н. Н. «Пора, мой друг, пора! Покоя сердце просит...»: Источники и контексты//Пушкин и его современники: Сб. научных трудов. Вып. 4 (43). СПб., 2005. С. 364–419.

⁴ Beugnot B. *Marthe ou Marie, Diogène ou Ciceron: les modules existentiels au XVIIe siècle*//Arbeit.

тократии новые поведенческие нормы, были одним из наиболее востребованных сегментов поля русской переводной литературы. С другой стороны, перевод таких трактатов входил в арсенал педагогических упражнений, использовавшихся в дворянских учебных заведениях. В 1777 г. кадеты четвертого возраста подготовили ко дню тезоименитства И. И. Бецкого, члена совета и бывшего директора Сухопутного шляхетного корпуса, перевод «Dialogues socratiques, ou Entretiens sur divers sujets de morale» (1746) женеvского теолога Жакоба Верне¹. В переводе принял участие Д. Бутурлин, который в соавторстве с А. Петрово-Соловово перевел последнюю, восьмую, главу сочинения — «О нечувствительности». В диалоге Сократа с Евагором утверждается этика дворянского служения, говорится о соответствии действия индивида его званию. Лень, как и чрезмерная суетность, критикуются, а в качестве образца предстает разумное соотношение деятельной и созерцательной жизни:

Действующая жизнь есть течением прменяющихся увеселений; есть забавы учения, трудов, зрелищ, гульбищ и разговоров. Состояние нам приличное, заключает в себе не то, чтобы ничего не делать; сие есть участью слабомысленных и глупых; но оно заключает в себе перемену упражнений, направляемых к представленной мете, и сходствуемых с нашими летами и силами; через то будут оне все столько же приятны, как и полезны. Вот, любезный Евагор, прямое знание, которое нужно, чтобы жизнь свою препровести благополучно².

Активная жизнь не сводится здесь к службе³ и ей не исчерпывается. Жизнь души составляют многообразные занятия (здесь отсутствует противопоставление «дел» и, например, «художеств»), однако одна из центральных идей сочинения Верне и в этой главе высказана довольно определенно: «Надобно либо достойным образом заступать свое место, либо покинуть оное; здесь нет середины. А иначе изменяют обществу и обезчещивают самих себя, являясь недостойными того звания, которое заступают»⁴. Из этого рассуждения видно, каким образом может быть заострена базовая оппозиция «действие/созерцание», а вместе с ней и ее аппликации, которые перечисляет Беньо: «теория/практика; жизнь частная/семейная/общественная; жизнь городская или гражданская/сельская жизнь, идеализированная мо-

---

Muse. Meditation. Studies in Vita activa and Vita contemplativa. Zürich; Stuttgart, 1994. P. 297.

¹ Тот факт, что книга Верне уже неоднократно переводилась только подчеркивает педагогическое значение мероприятия. См.: [Верне Ж.] Разговор о должностях человеческих между Сократом и Евагором//Ежемесячные сочинения. СПб., 1755. Т. 1. С. 224–234; Его же. Нравоучительные сократические разговоры, сочиненные для наставления его светлости наследного князя саксен-готтфогского и алтенбургского женеvским профессором г. Вернетом, и переведенные с французского языка на российский. Фомою Халчинским. СПб.: при Морском шляхетном кадетском корпусе, 1769.

² [Верне Ж.] Сократические разговоры, Переведенные с французского. 1777 года. 24 июня. [СПб.: тип. Сухопутного шляхетного кадетского корпуса, 1777.]

³ Ср. Mauzi. L'idée du bonheur dans la littérature et la pensée françaises... P. 286.

⁴ [Верне.] Сократические разговоры... С. 158.

дель спокойствия и добродетели; общество, беседа, движение/одиночество, уединение, покой; придворная жизнь/немилость или изгнание»¹. Вместе с этикой служения Бутурлин усвоил и эти модели. В своей корреспонденции он, как видно хотя бы из приведенных примеров, использует чуть ли не все перечисленные антитезы для описания своих отношений с обществом, двором и государством.

Сообщая придворные новости своему дяде Александру Воронцову, Бутурлин пишет, в октябре 1799 г., что никогда не сможет привыкнуть к переменчивости двора. Он называет себя безыскусным, деревенским («rustique») и в то же время гордым («fier»). Такое сочетание свойств характера приводят его к горацианском рецепту: «Vivons et laissons vivre; cultivons nos laitues et tant que nous pouvons lire, transportons nous dans le passé. Ces réminiscences ont leur charme² [Давайте жить и позволять жить <другим>; давайте выращивать свой латук и раз уж мы умеем читать, перенесемся в прошлое. В этих припоминаниях есть своя прелесть.]».

Можно с уверенностью говорить, что сквозь эту оппозицию Бутурлин оценивает чрезвычайно важный для него опыт Александра Воронцова, сформировавший, вероятно, его представления о государственной службе. Упомынутые мотивы отчетливо звучат во французском стихотворении Бутурлина «L'asile de la paix [Мирное убежище]» (1801). В первых 13 строках этого стихотворения (в котором всего 60 строк) изображается разлад среди европейских государств и наблюдающие за катастрофой растерянные народы. Утомленный созерцанием этих печальных картин, автор ищет отдохновения в сельской тишине:

De ces tableaux d'erreur je détourne la vue
Et pour rasseoir mes sens, pour reposer mes yeux
Je vois chercher de plus agrestes lieux,
Où bien plus doucement mon âme soit émue³.

Искомый покой он находит в «тихом убежище, в котором живет мудрец, <...> удалившийся от света и его шума»⁴. За описанием качеств государственного мужа, который некогда не имел равных себе среди советников монарха, и в котором мы узнаем адресата послания Александра Воронцова, следуют строки, восхваляющие умение также вовремя и кстати уйти на покой:

Mais deux fois trente hyvers ont myri sa sagesse;
Il sait se mettre un terme, il le fait a propos,
Et du bien qu'il a fait l'image enchanteresse
Revient le consoler dans ses jours de repos⁵.

¹ Beugnot V. Marthe ou Marie, Diogine ou Césyron... P. 298.

² Письмо от 12 октября 1799 г. (АВ. Кн. 32. С. 258–259).

³ Там же. С. 292. «Я отвожу взгляд от этих картин заблуждений и чтобы успокоить свои чувства, чтобы дать отдохнуть глазам я ищу сельские места, где моя душа не так бы волновалась».

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 293. «Но дважды тридцать зим взрастили его мудрость: он умеет остановиться и делает

В феврале 1801 г. (эта дата значится под стихотворением) Воронцов находился в отставке и, как следует из третьей части послания, воплощал для Бутурлина идеал ушедшего на покой государственного деятеля, который сумел правильно организовать свой досуг на покое и воплотить образ одинокого, но приветливого и ироничного мудреца. Позже он будет в этой связи цитировать Цицерона, ссылаясь, правда, на Горация¹, замечая, что Воронцов заслужил «otium cum dignitate», «отдых с достоинством»².

Воцарившийся Александр I вновь призвал А. Р. Воронцова на государственную службу. Зимой 1802 г. Воронцов заболел, и племянник почти неотлучно находился при нем в течение нескольких месяцев. Бутурлин настаивал на том, что восстановить здоровье возвратившегося к активной государственной деятельности дяди может только душевное спокойствие, иначе говоря, отказ от сует этой самой деятельности. Противопоставление славы и мира, спокойствия, которое лежит в основе этого рассуждения, звучит в сентенции, которой Бутурлин закончит через два года стихотворение на смерть Александра Воронцова. Безутешный автор призывает хором повторить перед лицом вечности: «Gloire au plus-haut des monts, mais paix dans la vallée [Слава — на самой высокой из гор, но мир — в долине]»³.

Возможность служить в гармонии с собственными привычками и представлениями видится Бутурлину в одной карьерной перспективе — должности в заграничном посольстве, подальше от двора. Граф полагает, что она позволит ему отстраниться от дипломатических интриг и политических новостей:

Que Dieu me conduise seulement dans un climat plus doux (qu'importe où), que j'y sois avec ma femme et mes enfants en bonne santé: j'y porterai avec moi Horace, Rabelais, Montaigne et Gilblas; j'y cultiverai des légumes et des fleurs, et je m'engage à n'en pas bouger et à ne jamais lire la gazette⁴.
[Лишь бы Господь направил меня в край потеплее (какая разница куда), лишь бы я был там с моей женой и детьми в добром здравии: я возьму туда с собой Горация, Рабле, Монтеня и Жильбласа; я буду выращивать там овощи и цветы, и я обещаю не выходить из дома и никогда не читать газет.]

Место посланника становится (не позже 1798 г., почти на десять лет) его единственным карьерным устремлением: «... Je ne demande a Dieu qu'une de ces places *tranquilles* dans un climat plus doux [Я прошу у Господа только

это время, и чарующий образ совершенного им блага возвращается, чтобы утешить его во дни отдохновения».

¹ Гораций походит у Бутурлина на кладезь житейской мудрости. В одном из писем он замечает, например: «Гораций запрещает отправляться спать с грустными мыслями...» (Там же. С. 354–355).

² Письмо С. Р. Воронцову от 18 января 1803 г. (Там же. С. 323). См. разбор формулы «otium cum dignitate» у Цицерона в кн.: André J.-M. L'otium dans la vie morale et intellectuelle romaine des origines à l'époque augustéenne. P., 1966. P. 295–306 и др.

³ АВ. Кн. 32. С. 427.

⁴ Письмо С. Р. Воронцову от 10–11 апреля 1804 г. (Там же. С. 398).

одно из этих спокойных мест в климате более мягком]»¹, — пишет он после внезапной отставки своего друга И. Б. Пестеля, отставки, никак не согласующейся с представлениями графа о спокойной службе.

Бутурлин как будто сторонится придворной жизни при любом монархе. В 1803 г. он заканчивает длинное письмо С. Р. Воронцову, датированное концом февраля — началом марта, сообщением, что император подумывал сделать его, в отсутствие графа Головкина, обер-церемониймейстером. Главная проблема для Бутурлина — отказать, не оскорбив императора, ибо, по его словам, нет ничего «менее церемониального», чем он, а придворная напыщенность всегда вызывали у него непреодолимое отвращение². Зато чуть позже, в апреле, он снова мечтает о дипломатической должности в стране с более теплым климатом. В переписке с С. Р. Воронцовым Бутурлин оттачивает свою аргументацию, повторяя ее, по меньшей мере, дважды (в письмах от 5 апреля и от 22 мая 1803 г.): 1) более мягкий климат необходим для здоровья жены (да и для собственного здоровья Бутурлина тоже); 2) переезд необходим для поправки вконец расстроенных дел; 3) нравственное воспитание детей должно проходить вдали от России. На последнем, видимо, вновь найденном, аргументе Бутурлин останавливается подробнее. Атмосфера в русском обществе кажется ему отравленной. Обретаясь при дворе, рассуждает он, невозможно отгородиться от развращенного общества, а в деревне для образования не хватает условий и возможностей. Только получив место министра, он сможет разрешить все эти проблемы: «*Je n'ai pas à vingt ans désiré ma maîtresse avec plus de ténacité que je désire cette mission* [Я в двадцать лет не желал свою возлюбленную с таким упорством, с каким желаю этого назначения]», — признается Бутурлин дяде³.

Бутурлин ждет места несколько лет. Сразу после восшествия на престол Александра I граф А. С. Строганов, назначенный в 1800 г. директором императорской библиотеки, предложил Бутурлину работать под его началом⁴. Бутурлин, судя по всему, отказался и от этой должности, непосредственно связанной с его излюбленным времяпрепровождением. Можно предположить, что одной из причин его отказа была принципиальная несовместимость, противопоставленность книжных занятий и службы в представлении Бутурлина⁵. Вместо этого,

¹ Письмо А. Р. Воронцову от 9 ноября 1798 г. (Там же. С. 249). Курсив наш. См. также письмо Бутурлина А. Р. Воронцову от 2 апреля 1801 г. (Там же. С. 298—299) и др. Отметим характерную для стиля Бутурлина параллель «климат природный/климат придворный».

² Там же. С. 338.

³ Письмо от 5 апреля 1803 г. (Там же. С. 345). Примечательна оценка кн. Е. Р. Дашковой, которая с нескрываемым раздражением говорила о племяннике, что серьезно накаляло отношения между ними (см. письма Бутурлина А. Р. Воронцову от 25 ноября 1801 г. (Там же. С. 303—304) и от 1 ноября 1804 г. (Там же. С. 411—412)). В одном из писем А. Р. Воронцову она взывает к брату: «*Tirez-le, pour l'amour de Dieu, de cette nullité qui le perdra entièrement; trouvez le moyen de l'occuper et vous aurez fait une belle action* [Вытащите его, ради Бога, из ничтожества, которое его погубит совершенно; найдите способ занять его и вы сделаете доброе дело]» (АВ. Кн. 12. М., 1877. С. 305).

⁴ См. письмо Бутурлина А. Р. Воронцову от 18 апреля 1801 г. (Там же. С. 302).

⁵ Схожим образом, Бутурлин постоянно повторяет, что не желает вмешивать расчеты в живое

в 1802 г. (не позже 15 марта)¹ Бутурлину «был поручен» Эрмитаж, в котором он стал хранителем. Желанное назначение — на должность посланника при папском дворе в Риме — Бутурлин получил 31 мая 1803 г., однако политическая активность Наполеона в Италии помешала графу приступить к своим обязанностям. В мае 1804 г. уже поговаривают, что пост может ускользнуть от Бутурлина². Д. П. Татищев сообщает А. Р. Воронцову 21 июня 1804 г., что как только римский посол покинет Петербург, выйдет указ об отмене миссии Бутурлина. По мнению Татищева, граф мог бы занять этот пост и в другом месте — например, в Мадриде³. Однако и в феврале 1806 г. Бутурлин так описывает свой статус: «ministre a Rome, résident a Moscou»⁴, т. е. «министр в Риме, представляющий в Москве». Неудивительно, что граф говорит о своем назначении без прежнего воодушевления. В переписке с С. Р. Воронцовым он постоянно критикует российскую администрацию и дипломатические приемы европейских стран-союзников России. П. И. Бартевев пишет в примечании к одному из писем Бутурлина 1806 г., в котором тот в очередной раз осуждает образ действий Пруссии, что именно это предубеждение против Пруссии было причиной того, что Бутурлина не употребили, несмотря на его блестящие дарования, в действительную службу⁵.

В конце 1810 г., после трехлетнего перерыва в переписке с С. Р. Воронцовым, Бутурлин пишет ему, что его время полностью посвящено семье, что на него «еще рассчитывают на службе», но вот уже десять лет он не продвигается в чине и четыре года как не получает жалования⁶. И если это письмо С. Р. Воронцов назвал «печальным»⁷, то письмо, посланное из имения Бутурлиновка в мае 1813 г. не лишено стоических обертонов:

Ma bibliothèque anéantie me prive de toutes mes habitudes passées, et il n'est plus possible d'en contracter de nouvelles à 50 ans. Il y aura donc nécessairement du décousu, du vague dans mon existence intérieure et mentale, et il m'est forcé de remplir ce vide par un surcroît de force morale⁸. [Моя уничтоженная библиотека лишила меня былых привычек, а приобрести новые в 50 лет уже невозможно. Поэтому в моем внутреннем и умственном существовании неизбежно появится бессвязность, и нужно постараться заполнить эту пустоту за счет увеличения нравственной силы.]

чувство (см., напр., в письме А. Р. Воронцову от 28 февраля 1804 г. (Там же. С. 392).

¹ См. письмо Е. Болоховитинова от 15 марта 1802 г.: «Он <Бутурлин> сюда переселился со всею своею библиотекою. Квартирует против самого дворца на Исаакиевской площади и имеет уже придворную должность» (Выдержки из дружеских писем Евгения (впоследствии митрополита Киевского) к воронежскому приятелю его Василию Игнатьевичу Македону//РА. 1870. Стлб. 812).

² Письмо А. И. Моркова С. Р. Воронцову (?) от 5 (17) июня 1803 г. (АВ. Кн. 14. М., 1879. С. 339).

³ АВ. Кн. 18. С. 383. Надо заметить, что в 1815 г. сам Татищев был назначен чрезвычайным посланником и полномочным министром в Испании (РБС. Т. «Суворова-Ткачев». СПб., 1912. С. 348).

⁴ Письмо С. Р. Воронцову от 20 февраля 1806 г. (АВ. Кн. 32. С. 419).

⁵ Там же. С. 441. Впрочем, Бартевев не приводит никаких аргументов.

⁶ Письмо из Москвы от 9 декабря 1810 г. (Там же. С. 447–448).

⁷ Письмо М. С. Воронцову от 10 мая 1811 г. (АВ. Кн. 17. С. 183).

⁸ Письмо С. Р. Воронцову от 6 мая 1813 г. (АВ. Кн. 32. С. 451).

Речь идет о знаменитой московской библиотеке графа, которая сгорела в 1812 г. Вокруг нее строился досуг Бутурлина, который в противопоставлении придворной и государственной карьере приобрел для графа необычайное значение. Садоводство, книги и семья для графа больше чем риторический противовес двору, обществу и службе. Его занятия становятся реализацией досуговой программы, построенной вокруг понятия «созерцания»¹. Каталоги библиотеки Бутурлина (1794² и 1805³ гг.) свидетельствуют о серьезности его книжных занятий. Они, наряду с его увлечением садоводством (о котором нам судить сложнее), являют редкий для России рубежа XVIII — XIX вв. пример деятельного воплощения аристократом риторического сценария «созерцания». В поисках подлинных причин этого явления необходимо упомянуть о религиозности Бутурлина⁴. О том, что сам граф осмыслил в этом ключе свою социальную стратегию, свидетельствует опубликованная в сентябрьском номере «Русского Вестника» С. Н. Глинки за 1813 г. «Песнь плачевная о разорении Москвы» Бутурлина:

Умеренность желаний моих, отдаление от страстей, могущих расстроить тишину и единообразие темной, но спокойной жизни моей, конечно угодны были Всевышнему. Ибо Его благословением во всех предметах, до души касающихся, я провел много лет, не имея иного страха, как только не найти в себе достаточно благодарности и признания за все благо, кое ощущаю⁵.

В 1812 г. граф потерял не только библиотеку, но и всю московскую усадьбу, а вместе с ней и желанное умиротворение, «tranquillité». Он выказывает намерение пережить эту потерю с христианским смирением. Узнав о гибели библиотеки, Бутурлин, по свидетельству сына ответил словами Иова: «Бог дал, Бог и отнял; да будет святая Его воля»⁶. Однако реализовать этот религиозно-этический по пафосу проект графу, скорее всего, помешал крах проекта досугового, который, как мы старались показать выше, был фундаментом его социальной стратегии, да и повседневной жизни.

Вынужденный кочевать, после потери московского дома, между Петербургом и калужским имением Бутурлин жаловался, что не видит будущего,

¹ См.: Mauzi. L'idée du bonheur dans la littérature et la pensée françaises... P. 330–387. Pl. IX: «L'immobilité de la vie heureuse».

² В 1794 г. Бутурлин опубликовал первый в России каталог частной библиотеки: Catalogue de la bibliothèque de Mr. Le Comte D. Boutourlin. Première Partie; contenant les livres imprimés en langue Française, quelques Manuscrits, &c. &c. &c. St. Petersburg, 1794.

³ Catalogue des livres de la bibliothèque de S. E. M. le comte de Boutourline... Paris: Imprimerie de Charles Pougens, an XIII (1805). Редакторами этого каталога были известные библиографы А.-А. Барбье и Ш. Пужанс.

⁴ См.: Бутурлин М. Д. Очерк жизни графа Д. П. Бутурлина//РА. 1867. Кн. 3. Стлб. 380; Записки графа Михаила Дмитриевича Бутурлина... С. 221.

⁵ Граф Б**** [Бутурлин Д. П.] Песнь плачевная о разорении Москвы, писанная в степи за Доном на Битове в Октябре 1812 года. Подражание 136 псалма//Русский Вестник. 1813. № 9. Сентябрь. С. 70.

⁶ Записки графа Михаила Дмитриевича Бутурлина... С. 243.

вынужден жить одним днем¹. Неудивительно поэтому, что в 1817 г. он навсегда покинул Россию, чтобы поселиться с семьей в Италии, куда он так стремился. В одном из последних писем С. Р. Воронцову он сообщает, что решил снова начать собирать библиотеку, чтобы как-то себя занять. «Cicéron, Dante, Pascal etc. me sont de meilleurs amis et bien meilleure compagnie que les plus illustre de nos jours, — объясняет Бутурлин. -... Il vaut mieux vivre avec les livres qu'avec le commun des hommes [Цицерон, Данте, Паскаль и т. д. — мои лучшие друзья и компания куда лучше, чем самые выдающиеся <люди> наших дней.... Лучше жить с книгами, чем с большей частью людей]»².

---

¹ См. письмо С. Р. Воронцову от 20 июня 1814 г. (АВ. Кн. 32. С. 453).

² Письмо С. Р. Воронцову от 1819 (?) г. (Там же. С. 455–456).